

Е. У. Поцинина

Повесть о Шурочке

САНКТ

Екатерина Ильинична Вощинина

М. М. Пиир

Повесть о Шурочке

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43678079
Повесть о Шурочке: Сатисъ; Санкт-Петербург; 2005
ISBN 5-7868-0061-X

Аннотация

Эту удивительную повесть хорошо читать всей семьей.

Кукла Шурочка прожила на белом свете больше ста лет. Она видела великого князя Константина в Павловском парке, она жила в теплом и уютном русском доме с друзьями-куклами и ласковыми «мамами». Она знает, как дети готовились к Рождеству, как праздновали Пасху, как они играли, как заботились друг о друге. Шурочка рассказывает и о том, как появилось радио, коммунальные квартиры, как много горя принесла война... Её жизнь полна приключений и путешествий, а её способность любить и быть преданной поможет ей однажды спасти девочку от тяжелой, неизлечимой болезни.

Бабушки и дедушки согреют душу, вернувшись в свое детство; мамы и папы откроют для себя много неожиданного в этой книге, а мальчики и девочки очень полюбят красивую старинную куклу в нарядном платье с розовым бантом вокруг пояса.

Содержание

Часть первая. Мама Наташа	6
Кто я?	6
Начало настоящей жизни	10
Опасный путь	14
Неожиданные помощники	21
Еще мастер, да какой!	27
Приехали	31
Неожиданная встреча	36
Мы учимся	39
Мишка настоящий, живой	42
Мякин рассказ	46
Мои наблюдения и думы	51
Ещё учительница	54
Происшествие в парке	57
Ночь в парке. Рассказ доблестного	63
Полишинеля	
Огорчение и радость одновременно	65
«На спячку»	69
Часть вторая. Мама Катя	75
Пробуждение и нетерпение	75
Возврат к настоящей жизни	81
Знакомство с домом	84
Ёлка и дети	89

Поздравление	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Екатерина Вощинина

Повесть о Шурочке

© Е.И. Вощинина, текст, 2005

© М.М. Пиир, иллюстрации, 2005

© Издательство «Сатись», 2005

Часть первая. Мама Наташа

Кто я?

Мне больше ста лет. И вы думаете, что я сморщенная старушка и горбатая, как баба-яга? – Ничего подобного. У меня нет ни одной морщинки, держусь прямо, волосы каштанового цвета, но я их не крашу, как делают многие ваши бабушки (и очень правильно). А щечки у меня всегда румяные, глазки блестят. Люблю наряды, но, к сожалению, не могу танцевать, а так хотелось бы... Да я и ходить-то не умею. Не потому, что ноги болят. Боли я вообще не чувствую, даже если меня уколоть иголкой... А говорить я могу только с такими же, как я...

Вы не догадались, кто я? – Да я же кукла! И за сто с лишним лет побывала у многих девочек, моих «мам», во многих домах, но... в одной семье. Да, да! Как? – вот увидите. Накопилось у меня много рассказов, которыми хочу с вами поделиться. Слушайте же. Родилась я не в России, где вы живете, а во Франции, в городе Марселе. Родилось одновременно со мной несколько кукол и даже один Полишинель. Это то же, что в России у вас клоун. Нам было весело смотреть друг на друга, видеть, как нас в мастерской одевают в разные красивые платья. Но моё платьице мне казалось самым нарядным:

с большим розовым бантом вокруг пояса и с кружевами на плечах.

Возможно, что вам сейчас и не понравилось бы, ведь теперь другая мода, чем сто лет тому назад. Мы бы, например, не вздумали носить штаны, как теперь носят ваши но-

вые куклы. Да я вижу, что и руки, и ноги у ваших новых кукол совсем из другого материала и могут сгибаться. А у меня тоже могут гнуться, но не так хорошо, и могут даже сломаться. Мне повезло, что у меня были хорошие «мамы», и сломалась я только один раз, и не по вине «мамы». Но об этом после, а пока расскажу по порядку.

Вот живём мы пока без «мам» в мастерской, уже готовые нарядные куклы, болтаем друг с другом, но люди нас не слышат и не понимают. Но вдруг нас стали раскладывать по коробкам и даже... подумайте... привязывать ко дну коробки и даже... ещё хуже... закрыли крышкой и перевязали верёвкой.

Какой ужас! Мы лежим в темноте и чувствуем, что нас куда-то везут. «Не бойтесь, девочки! – кричит ещё не привязанный и всё знающий Полишинель. – Нас везут в магазин, где будут продавать всяким детям. И если вам повезёт, вы приобретёте хороших «мам», которые будут вас беречь и наряжать, что вы так, глупышки, любите», – сказал и рассмеялся. Он вечно нас дразнил и называл «модницы-нарядницы». А сам-то, сам – в жёлтых шёлковых шароварах, красной рубашке с золотыми пуговицами и на шее – широченный воротник кружевной, называется «жабо». И всё же урод уродом.

Мы немного успокоились. Вот привезли нас и разложили по полкам. И – о, счастье! – начинают развязывать и открывать крышки. Вот и Полишинель захохотал от радости, уви-

дя свет. А меня всё ещё не открывают. Лежу и плачу, да еле-еле слышу, как подруги (их тоже открыли) переговариваются. Им в магазине нравится: здесь много самых разнообразных игрушек, не только куклы, как в мастерской. Ах, скорей бы меня открыли, чтобы всё это увидеть! А я всё плачу. «Чего нюни распустила! И не стыдно! Держи себя в руках, настанет и твой час», – кричит Полишинель. И час настал.

Начало настоящей жизни

И настал день освобождения от тьмы, от заключения. Вот как это случилось. Слышу резкий звонок. (В магазин по звонку входят.) Даже я сквозь крышку слышу. Мужской голос требует хозяина. Всего не разбираю, но слышу, что говорит кто-то по-русски. (Мы ведь, куклы, понимаем речь на всех языках.) Прислушиваюсь, ничего не разберу. И вдруг чувствую, что рука хозяина хватается коробку, в которой я лежу и... раскрывает её. Наконец, всё слышу и всё вижу. Вот хозяин обращается к какому-то важному русскому капитану, стоящему у прилавка, и говорит: «Эта кукла может понравиться вашей дочке. Она, пожалуй, самая красивая из всех». Это я-то!!! Как мне приятно было слышать его слова! А противный Полишинель всё меня дразнил, что у меня – глаза вылупленные. Ему просто завидно, что у меня большие, а у него – просто пуговицы...

Но я прислушиваюсь к разговору. «Могу ещё предложить, – говорит хозяин, – вот эту смешную куклу» – и показывает... Полишинеля. «Ха-ха-ха! – рассмеялся на весь магазин покупатель. – Какая смешная штуковина! Это тоже может понравиться моей дочке. Шевченко, смотри, вот потеха, не купить ли его?» – обратился он к стоявшему рядом громадному матросу, одетому так же, как наши французские, только без помпона на шапочке, а с ленточкой.

А матрос не мог глаз отвести от моего наряда, и мне показалось, что я ему очень понравилась. «Нет, ваше высокоблагородие, – отвечал матрос несмело, – ваша дочка может испугаться такой образины. Нос-то какой! Крючком, да красный, что у индюка. Вот эта-то куколка так всенепременно понравится: и нарядная, что тебе царица!» Ах, какой славный матрос! Ведь угадал, что мне так захотелось к дочке капитана, в другую страну и к доброму матросу.

«Выбери меня, милый капитан, меня полюбит твоя дочка, ну, выбери, возьми меня, пожалуйста!!!» – говорю я, но он не слышит, стоит в нерешительности – и я ему понравилась, и Полишинель. Вижу матрос нервничает. «Ваше высокоблагородие, – говорит он робко, – решайте, кораблю пора отчаливать, склянки уже бьют» (это на корабле так часы отбивают). А хозяин лавочки, боясь, что русские уйдут, ничего не купив, говорит: «Всё же думаю, что эта куколка понравится больше вашей дочке» (это про меня). «Ну, хорошо, будь по-вашему, заверните», – сказал решительно капитан и стал платить деньги.

Как я обрадовалась на сей раз, когда меня снова стали упаковывать в мою тёмную коробку! «Прощайте, подружки!!!»

Опасный путь

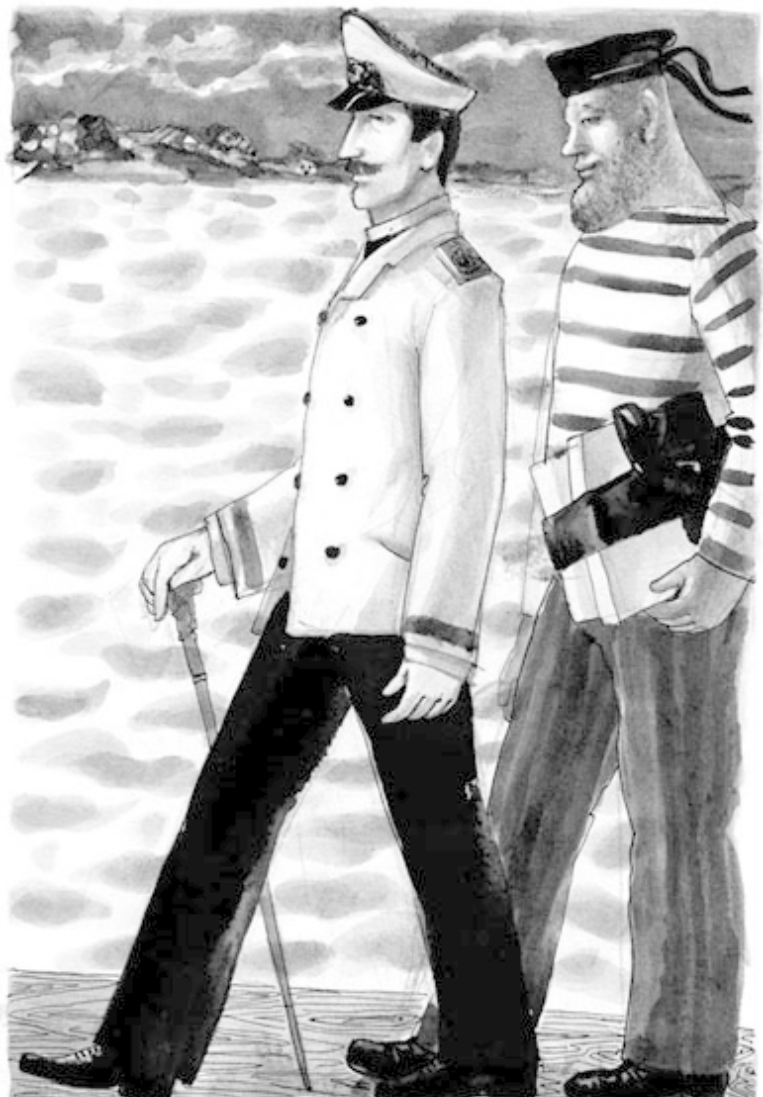
Быстро шли мы к кораблю, ждавшему у пристани своего капитана. И вот я чувствую, что мы уже на палубе, потому что слышу громкое «Здравия желаю, ваше высоко...» Это, видно, матросы здороваются со своим капитаном, а значит, и со мной.

Вот, чувствую, пришли в каюту (так комнаты на всех кораблях называются). Капитан куда-то заспешил, сунул меня довольно небрежно на полку и ушёл. Я уснула, мечтая уже завтра проснуться в объятиях моей первой «мамы». Теперь я понимаю, какая я была глупая – ведь по морю мне предстоял долгий-предолгий путь. Да еще какой страшный! Вот увидите.

Но утром меня порадовал мой добрый капитан: он позвал своего друга и помощника, чтобы показать ему меня: «Вот какой подарок везу дочке». Раскрыл коробку и даже (мне на радость) отвязал меня, чтобы представить во всей красе. Тут уж я наслушалась всяких похвал. Но капитан, как всегда, торопился, сунул меня в коробку, не привязал к доньшку моей темницы и верёвкой не обвязал, и оба ушли. Ну, и обрадовалась же я, что лежу так свободно. Но вы увидите, дети, что радоваться мне пришлось недолго...

Я проснулась от какого-то страшного толчка. Крышка приоткрылась, и я обнаружила, что свет в каюте погас. По-

том опять зажёгся. Ещё толчок с сильным ударом в стену, свет опять потух, и мне показалось, что я взлетела высоко-высоко и тут же спустилась вниз. Грохот и странный скрип становились всё сильнее, и с ними взлёты и падения – вверх-вниз, вверх-вниз.

По коридору за дверью я слышала беготню бесчисленных ног, резкий голос, что-то приказывающий. И удары в стену, где было окно.

Я поняла: это была буря. Но не такая, как в Марселе, когда волны ударяли в прибрежные скалы и мирно откатывались с шумом. Теперь волны опрокидывались – Боже мой! – на наш корабль и бросали его во все стороны. Я одна в этом ужасе всяких звуков – свист и завывание ветра, удары в стену, стук беготни над головой. Мне страшно, меня бросает в коробке, стучает головой об её стенки.

Но самое страшное произошло, когда грохот чего-то тяжёлого, падающего, потряс весь корабль... Меня выбросило из коробки, и я упала вниз, – к счастью, на что-то мягкое. Я не знаю, разбилась я или нет – ведь боли я не чувствую. И вот теперь меня катает по полу. «Ай-яй-яй! Спасите!» – кричу. Глупая, ведь никто не услышит. Моё бедное платье! Во что оно превратится! «А волосы растрепались», – подумала я, когда меня на минуту зажало между ножкой стола и стулом. Сейчас меня опять начнёт буря катать по полу, вырвет из этого случайного пристанища.

Но – о счастье! – дверь открылась, и в каюту вбегает Шевченко, мокрый с головы до ног. Еле удерживаясь на ногах, в темноте он ощупывает то место, где лежала моя коробка. Наступив на неё ногой и поняв, что я выпала из неё, он начинает ползать по каюте, шаря повсюду... и... находит меня.

Бормоча про себя: «Ах, батюшки, вот беда! Как же это? И не упаковали, не укрепили...» – он отряхнул платье и стал своими огромными пальцами осторожно ощупывать сначала лицо. «Ну, слава Богу, кажется, цело», потом руки, ноги и всё тельце. – «Всё как будто в порядке, вот только парик...»

Привязал меня к измятому дну коробки (как я обрадовалась!) и, крепко обмотав верёвкой, положил в чемодан, конечно закреплённый на полке. Какой молодец: вспомнил обо мне во время страшной бури, когда все заняты спасением корабля. «А как же он отлучился со своего поста? – думаю. – Ведь не должен был». И тут я поняла, что вспомнил обо мне капитан и послал Шевченко меня спасать. Какой же он добрый! А я-то его в мыслях бранила, катаясь по полу, что он меня не упаковал хорошенько! Я решила, что буду терпеть и не буду больше плакать. Но, почти засыпая, я вдруг представила себе, что моё чудное платье совсем испорчено и даже разорвалось, а мои волосы растрепались, и никто ими не будет любоваться.

Вспомнила я тут милых мастериц в марсельском магазинчике, которые всегда могли помочь в беде, когда в нашем наряде что-нибудь не в порядке: переодеть, зашить. А здесь, на корабле, кто мне поможет? И я опять в слезах... Но помощник нашёлся, и не один.

Неожиданные помощники

Буря утихла. Уже не было страшных ударов в стену. А к качке я даже стала привыкать. Она даже меня усыпляла. Утро следующего дня началось с того, что в дверь вошли с шумом оба моих друга. Громкий голос капитана говорил: «Ну, брат, не до куклы мне сейчас. Принеси-ка мне чего-нибудь поесть да горячего чая. Отдохну часок...» И тяжело повалился на койку, которая заскрипела под тяжестью его грузного тела: «А с куклой уж делай, что найдёшь нужным, чтоб исправить урон. Это тебе не сломанная мачта».

Ах вот что с таким грохотом рухнуло ночью, чуть не проломив потолок, – вспомнила я. – Это сломалась мачта корабля! И мне стало стыдно, что я плакала из-за испорченного наряда. Я решила терпеливо ждать: пусть починят мачту, тогда примутся и за меня.

Но принялись за меня раньше. После завтрака и долгого пыхтения трубкой капитан захрапел. В дверь тихонько вошёл Шевченко, достал из чемодана коробку со мной и куда-то отправился, сам с собой, как всегда, разговаривая: «С Санькой, Митяем и Лёшей поговорю, чего-нибудь придумаем». Пришли в комнату, где матросы живут. Называется «кубрик». Табачного дыма там было столько, что я в коробке чуть не задохнулась. Но я решила всё терпеть.

Когда открыли коробку, я увидела трёх матросов. «Ну, по-

казывай, что у тебя за беда». Шевченко осторожно распаковал меня, и матросы выпучили глаза: «Кукла... братцы, смотрите, вот потеха!!!» И все три головы чуть не столкнулись надо мной. «Гляди, гляди, да сработана-то как! И руки и ноги сгибаются. А пальчики-то какие малюсенькие, а как заправдашные! Глаза, вишь, закрывает. А ну, дай-ка!» И все шесть рук стали меня вертеть – мою бедную голову, руки, ноги.

«Да тихонько вы, сломаете!» – испуганно закричал Шевченко и решительно выхватил меня из рук самого грубого – Саньки. «Да не бойся, не повредим, видим, штука тонкая, – обиделся Санька. – С часами управляемся, не то что...»

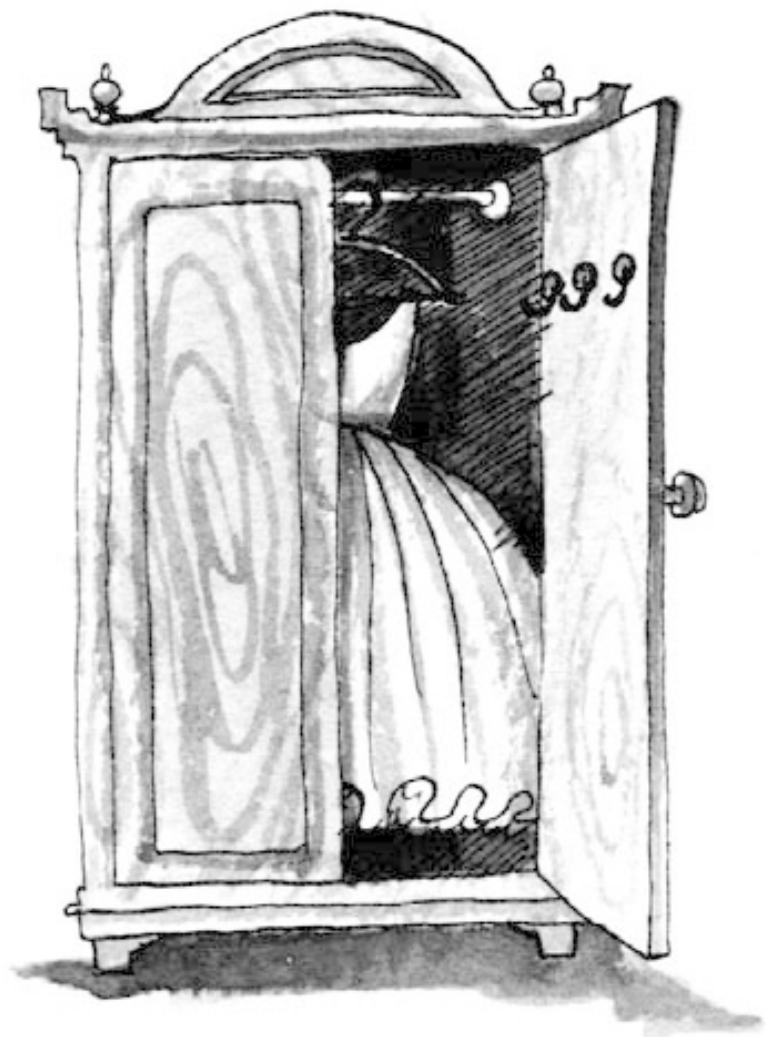
«А чего с ней делать надо?» – деловито спросил другой матрос. «Да вот сапожок совсем разорвался, парик приклеить (так он назвал мои волосы) да как-то причесать, – он за-

стенчиво улыбнулся. – Юбка оторвалась, – зашить. Я бы сам, да пальцы у меня, вишь, какие...» – «Знаем, знаем», – отозвались двое.

И тут я увидела, что у моего бедного Шевченко двух пальцев на правой руке нет. У матросов работа, девочки, трудная, особенно на парусном корабле. Надо по верёвочным лестницам лазать, паруса поправлять. Вот и сорвался, упал и сломал пальцы. Это уж после один из матросов мне рассказал.

«Справим всё, не беспокойся, и сапожок Митяй сошьёт. Не такую обувку штуковал. Справим», – сказал старший матрос. Шевченко снял с меня платье, сапожки. Ленту, воротник сунул себе в карман: «Постарайтесь, братцы, капитан табачку пришлёт», – и ушёл.

А Санька, который на Шевченко обиделся, что тот не дал меня повертеть, сказал, когда дверь закрылась: «Ну и детина вымахал, а сам с куклой возится, сю-сю-сю-сю, неженка...» Матросы рассмеялись. А мне это не понравилось – ведь по доброте это Шевченко делает. Я этого Саньку не полюбила.

Я осталась одна в неуютном кубрике с чужими матросами. Без платья коробка мне казалась такой холодной, что я опять чуть не заплакала, но вспомнила Шевченкины пальцы... а ведь он не плачет.

Еще мастер, да какой!

Через три дня Шевченко, сияющий, с улыбкой до ушей, явился в каюту с помятой коробкой. Я замерла, лёжа в ней. Будет ли наш строгий капитан доволен работой матросов-мастеров? Хорошо ли исправили все беды, которые наделала буря в моём наряде? Что мачту исправили, я уже слышала от матросов, но это другое дело.

«Ну, как дела с куклой? Так же хорошо, как с мачтой? – спросил капитан. – Не подвели молодцы и с такой мелочью? – и стал меня осматривать: – Ну, ничего. Всё хорошо, дочка и не заметит».

Капитан вдруг задумался. Я это знаю, потому что он тогда, глядя в окно, в рассеянности поглаживал свою лысину: «А кукла-то, видно, любит одеваться (ну как угадал!), – сказал он. – Вот приедем домой, там мои сестры оденут её повсякому – они такие мастерицы!.. А как ты думаешь, Шевченко, ведь для нарядов нужен шкафчик, а?» «Как же-с, ваше высокоблаг...», – обрадовался Шевченко. «Уж не смастерить ли нам что-то вроде...? Есть у нас в мастерской подходящий материал?» Шевченко засиял весь и закивал головой: «Есть, есть как же-с. Я хороший товар заготовил, когда в Марселе стояли, обязательно надо шкафчик сработать, уж как девочка радоваться будет!» – «Вот как море успокоится, начнём, готовь инструменты», – сказал капитан и от удо-

вольствия предстоящей работы потёр руки.

Я была потрясена: капитан, такой важный начальник громадного корабля, перед которым все трепетали, – и будет сам строгать и мастерить из дерева кукольный шкаф! Вот здорово! Он и это умеет!

Теперь надо ждать тихой погоды. Скорей бы! А ждать нам пришлось недолго. На следующий день было уже спокойно. «Пошли, поработаем часок, сказал капитан. – Там всё готово?» – «Так точно!» – рявкнул Шевченко. Забрали меня в коробке и пошли.

Девочки! Чего только я не увидела в тесной комнатушке-мастерской. Сначала неинтересное: доски, какие-то щепки, пилы, ножи и всякие инструменты... Но зато и какие прекрасные вещи! Вот, шкатулочка для драгоценностей блестит лаком.

Но самое чудесное кораблик. На нём и мачта с парусом, и маленькие матросики в разных положениях: кто бежит, кто стоит навытяжку, а кто лезет по верёвочной лестнице. Там и спасательные лодочки, и пушки, и крохотные ядрышки в кучке. Чудо! Всего не рассказать.

А я сижу на полочке, привязанная, конечно (а вдруг буря), и люблюсь, как ловко капитан без кителя, засучив рукава, строгаёт, режет ножом, оттачивает всё-всё умеет. А про себя мурлычет какие-то песенки. Тут же и Шевченко на подхвате, что полегче, и больше с клеем возится, да ловко так, забыл, что не все пальцы.

А время от времени прибегает матросик, такой молоденький, «юнга» называется, почти мальчик и, вытянувшись, докладывает: «Разрешите доложить. На корабле всё в порядке!» А глаза так и бегают с любопытством. Остановились на кораблике и оторваться не могут. «Ступай, ступай!» – строго сказал капитан. Убежал. Через некоторое время прибежал другой, такой же молоденький. Докладывает, что всё в порядке, а сам устался на кораблик – не оторваться. Видно, первый юнга ему про кораблик рассказал. И тут уж ему здорово попало. И за что? «Ты что, не знаешь, что юнгам при докладе начальству надо в глаза смотреть?!» Да строго так. Юнга испуганно вытянулся: «Так точно, ваше высокоблагородие, в глаза смотреть», – повторил он. «Кругом марш!» – приказал капитан. А когда дверь за ним закрылась, рассмеялся и сказал: «Вот увидишь, третий прибежит, кораблику «в глаза смотреть»». Так оно и было. Но тот уж, бедный, так и не посмотрел на кораблик, уставившись при докладе на капитана. Мы все долго смеялись.

А мой шкафчик скоро был готов. Вы бы видели, девочки, какой он стал красивый, когда его покрыли лаком. Створки открываются, внутри медные крючочки (чтобы платья вешать), блестят, как золотые. Ну, просто настоящий гардероб, как капитан его назвал.

А я всё думаю, зачем меня принесли в мастерскую? Неужели для того, чтобы я на их работу смотрела? И вот, оказалось, что после шкафа капитан задумал мне креслице

сделать. А ведь нужно сначала смерть, как мне в нём удобно поместиться. И даже сначала нарисовать «начертить» называется. Но рисунок мне как-то не понравился: непохоже капитан нарисовал. Я даже огорчилась, какое некрасивое. Но когда сделали, все части скрепили, Шевченко их склеил, получилось так красиво! Чудо! И как удобно в нём! Жаль, что потом приходилось опять в коробку ложиться. Вот приедем домой, – всё время в нём сидеть буду.

Скорей бы! А ехали ещё долго, заходили в разные порты (так морские города матросы называют). Но ничего интересного не покупал капитан. Так хотелось, чтобы ещё какую-нибудь куклу купили, с кем бы поговорить. А то всё люди да люди, не слышат, не понимают. Уж я рада была бы Полишинелю, хоть и дразнилка он. Скучно! Но наконец...

Приехали

«Наташенька! Папа приехал!» – первые громкие слова, которые я услышала, а ещё в коробке лежу. Потом радостные крики, всё женские голоса. Давно не слыхала, на корабле ведь женщин не бывает.

И вот – торжественный момент – открывают коробку, – встреча с первой мамой-девочкой. Уже знаю, что зовут Наташей. Передо мной светлые голубые глазёнки, смотрят, ещё не улыбаются, а с любопытством. Вот уже ручки взяли меня, обняли, глаза заулыбались и восхищённый голосок: «Спасибо, папа!» А капитан: «Ну что? Нравится?» – «Очень, очень!» – целуются.

Я дома! Но мне интереснее всего узнать, есть ли ещё куклы, с которыми поговорить можно. Да, да, вижу – есть! Вот кукла Катя. Не такая нарядная, как я, но улыбается, и мы знакомимся. Вот маленькая Тамара. Немножко капризное лицо, кажется, не очень довольна, что я появилась. Вот в кроватке лежит куколка-бэби, укутана в одеяльце. Тут же и Мишка, одет в штаны и даже с галстуком. Отвернулся, пока стесняется, но, наверно, будем дружить. И ещё не очень красивая, тряпочная, чернилами нарисованы на носу очки, – учительница, будет нас учить, – Наташа сказала.

И началась новая жизнь. Ведь мы, куклы, оживаем, девочки, когда с нами играют, с нами разговаривают, хотя мы не

отвечаем, всё понимая. А особенно любим, когда нас переодевают в новые платья, когда нас моют (мне можно только лицо), и особенно – когда нас показывают другим детям. Вообще-то мы и без людей веселимся, болтаем меж собой. Я решила рассказать новым подругам про мое путешествие, про бурю: как было страшно и как меня спас Шевченко. Только бы он не остался на корабле, ещё вдруг уедет куда-нибудь в другую страну... Нет, не уедет, пошёл на кухню здороваться с прислугой и кухаркой. Значит – свой человек. Не уедет.

Все разошлись; с нами, куклами, остались Наташа и няня, которая всё не может налюбоваться на моё платье, трогает очень осторожно мои руки, ноги: «Ах, какая красавица! А как же назовём-то её?» – спрашивает. А быстрая Наташа уже придумала:

«Назовём её так, как Папа называет Маму: Шура или Шурочка». – С этой минуты и по сей день, все сто с лишним лет, меня и зовут Шурочка.

А вот на следующий день нянины слова меня очень удивили. Вот послушайте. Говорит: «Дома-то нужно бы платье другое Шурочке надеть, не то запачкаются кружева да ленты. Вот приедет из Петербурга тётя Лиля, нашьёт ей живо всяких – мастерица она».

«Как, – думаю, – значит, мы ещё не в Петербурге? И опять будем плыть по бурным морям? Куда же мы приехали? А ведь все на корабле – и матросы, и Шевченко – только и радовались: «Подходим к Петербургу! Петербург уже виден! Ура! Скоро дома!»». Ничего не понимаю. И спросить не у кого. Вот Полишинель бы объяснил. Он всё знает. Мне стало грустно.

И вот узнала наконец всё. И конечно, из разговора людей. «Шевченко!» – кричит капитан из своего кабинета. (Он рядом с детской, где мы живём с Наташей.) «Шевченко! – ещё громче: – Где ты там? Беги к коменданту и закажи катер. Едем в Петербург в 2 часа. Скажи, будем обратно в Кронштадте в 6 часов».

Вот оно что!!! Значит, мы в Кронштадте, и Петербург не очень далеко, раз на катере, а не на корабле, и обратно в тот же день. Ура! Всё теперь знаю. А Кронштадт, наверно, приморский небольшой городок вроде Марселя. Теперь буду

ждать, когда гулять пойдём с Наташей и посмотрим, есть ли в нём пляж, где люди купаются в море и лежат на солнышке, где так весело.

Ждать пришлось недолго. Самое главное, что Наташина тётя сшила мне красивое белое пальто. И вот идём. Действительно, виднеются корабли у пристани, как в Марселе. На улице всё матросы и морские офицеры, как на палубе. Только идут спокойно, не суетятся, как на корабле.

И никакого пляжа, и никакого яркого солнышка в Кронштадте нет, а дождик накрапывает, ветер свистит. И Наташа просит няню идти домой: холодно, и зонтик не взяли. Вот и вся прогулка.

Но зато дома нас ждал сюрприз. Входим в детскую, хотят с меня пальто снять. «А куда же пальто повесить?» – говорит Наташа. «Как куда? – отвечает Наташина мама, входя в детскую. – А это что?» И показывает на гардероб, что только что распаковали вместе с другими вещами. – «Какая прелесть! Знаю, знаю! Это папа мне. Когда долго плавает, всегда что-нибудь мне смастерит. Теперь будет у Шурочки, куда вешать её платья!» Но самый большой сюрприз впереди.

Неожиданная встреча

Наступила весна. И в доме страшная суета. Все чем-то заняты. Наташина мама – покупками, прислуга – уборкой и чисткой квартиры, кухарка – конечно, выпечкой каких-то больших, высоких, залитых глазурью булок («куличи» здесь называются). Тёти собрали вокруг себя знакомых ребят и учат их красить яйца. Перед каждым – стакан, в котором красная краска, а у кого синяя, а то и зелёная. И ложечкой они мешают варёные яйца. «Почему оно у меня так долго не красится? – говорит самый младший. – Мешаю, мешаю, а всё розовое». – «Будет и твоё красное, имей терпение», – поучает тётя. А дети постарше кисточками рисуют на яйцах картинки. Всё это значит, что завтра Пасха, самый торжественный в церкви (и в Марселе тоже) и самый весёлый праздник, ещё и потому, что весна пришла даже и в дождливый Кронштадт.

А жаль, что эти выкрашенные яйца потом будут разбивать и съедать. А вот тёти умеют сырые яйца проткнуть насквозь, выкрасить, продеть в дырочки ленточку и, сделав бантик, повесить даже на гвоздик, чаще под иконой. Как красиво! «Раз люди так делают, значит и куклам надо», – решила Наташа, в кухне выпросила яйцо и пришла в кукольный уголок.

Взяла кукольный зонтик, проткнула яйцо и – о, ужас! – яйцо вылилось на ковёр. Плача, бросилась Наташа к няне, её

нигде нет. Бегаёт, зовёт... Навстречу Шевченко:

«Что случилось?» – «Яйцо пролилось на ковёр... Что делать?» – «Можно спасти ковёр, не плачь! – вытер липкую лужу, свернул ковёр и ушёл. – Когда вернутся родители, всё будет в порядке». И всегда-то Шевченко выручит, какой молодец!

Но яйца-то с ленточкой не получилось. И как это тётки делают, что жидкость не проливается? И скорлупка цела? Волшебницы, что ли? Вся эта неприятность была забыта после необыкновенной встречи.

Вечером следующего дня в доме гости. Неинтересные для Наташи и нас взрослые. Но вот появляется у нас в детской гость, и я ахнула от неожиданности. Это был тот офицер, друг капитана, который на пароходе приходил на меня смотреть. Помните? А теперь он пришёл сам с подарком Наташе.

«Христос Воскресе, Наташенька. Вот тебе ма-а-а-ленькое яичко». И вынимает из чемоданчика громадное яйцо, с меня ростом. «Оно открывается, вот смотри!» – нажал кнопку и... как вы думаете, кто из него вылезает? Полишинель!!! Вот так сюрприз! Я страшно обрадовалась, да и он: «А! Модница-нарядница! Как я удачно вылупился из яйца! Да вижу, тут целая компания. Всё девчонки? – Нет, вот и Мишка, – привет. Разрешите представиться! И он запел песенку, которую сочинил, сидя в своём яйце:

Я – месье По –

Я – месье Ли –

Я – месье Ши –

Я – месье Нель

Я месье Полишинель». Так весело он нас встретил. И мы поняли, что с ним не соскучимся. А Наташа тоже обрадовалась Полишинелю: «Какой смешной и мягкий. Пусть его будут звать Мяка». «Мяка, Мяка, – хорошо», – одобрили и мы, все куклы. Наташа решила, что и ему тётя Лиля сошьёт на смену домашний костюм.

Она не знала, конечно, что я с ним уже знакома, и что родились мы в одном городе и даже в одной мастерской. Судьба нас опять свела в новом месте.

Мы учимся

Надо сказать, что весёлый и смешной Мяка доставлял немало хлопот учительнице. Он на уроке всё время шутил и нас смешил, хотя учился он хорошо, даже лучше Миши, нашего первого ученика.

Расскажу вам хоть два случая на уроке, когда мы не могли удержаться от смеха, хотя видели, что это учительнице не нравится.

Сидим мы на уроке арифметики. Всё шло хорошо, пока писали цифры. Но вот начался устный счет. Учительница задаёт задачу: «У меня на столе лежит два яблока. Потом я положила ещё два, а мама принесла ещё одно яблоко. Сколько яблок теперь лежит на столе?» «Пять», – быстро отвечает Миша. И вдруг Мяка: «Нет, четыре!» – «Почему четыре? Подумай хорошенько, Мяка», – говорит учительница. А Мяка опять: «Четыре, потому что я съел одно».

Мы смеёмся, а учительница нервно поправляет очки и не улыбается: «Не шали, Мяка, ты мешаешь думать детям». А ещё труднее было удержаться от смеха на другом уроке. Нам объяснили, что такое рифма, и дали пример. «Назовите, говорит учительница, мне рифму к слову «чудеса»». Подумав, я говорю: «Оса». – «Правильно, – одобрила учительница. – Ещё кто придумает?» Тамара кричит: «Леса». – «Тоже правильно. А ты, Миша, что молчишь?» Миша мечтательно

смотрит в потолок и говорит: «А я придумал целое стихотворение, но в рифму к слову «варенье»: «Я люблю варенье и сладкое печенье»». Учительница улыбнулась: «Ну, уж известно, что наш Миша сластёна. Но хорошо придумал». И вдруг Мяка: «Хорошо, но неинтересно. А я придумал про «варенье» такое:

На окошке чепуха
жарила варенье.
Кура съела петуха
В это воскресенье».

Мы все расхохотались. Учительница нахмурилась: «Ты говоришь совершенную чепуху, Мяка». – «Так я нарочно сочинил ерунду про чепуху», – заявил Мяка. Хорошо, что в руках Наташи зазвонил колокольчик – урок окончился, а то Мяке ещё попало бы. А Мякина чепуха, признаться, нам понравилась. И когда учительницы не было, мы её все распевали. Жаль, что Наташа не слышит. Вот бы посмеялась!

Но Мяка мог быть и серьёзным, и многое нам пояснял. И откуда он всё знал?! Объяснил он мне также, как тёти продают ленточку сквозь яйцо, да так, что у них ничего не лётся на ковёр. Вот как: «Надо взять сырое яйцо, проткнуть осторожно иголкой дырочки с двух сторон и сильно дунуть в одну дырку. И вся жидкость выскочит с другой стороны в подставленную чашечку... Тогда и ковёр цел, и яичко пустое для раскрашивания. Ленточку-то и проденут сквозь обе ды-

рочки, и даже можно из жидкости яйца сделать гоголь-моголь с сахаром, если долго взбивать», – закончил Мяка свое объяснение. А Мишка при этом облизнулся. Его уж, конечно, заинтересовал гоголь-моголь.

А ещё Мяка нам рассказал про Кронштадт. «Это, – говорит, город-крепость. Он защищает Петербург от нападения врагов с моря (ведь воздушного нападения сто лет тому назад не могло быть), поэтому здесь много военных кораблей с пушками и крепкие стены крепость, и много военных моряков. Стоит он на острове. Кругом вода, и попасть в Петербург можно зимой на лошадях (машин тогда тоже почти не было, только в Петербурге редко попадались). А стает весной лёд, тогда можно и на лодке, на катере, на яхте».

Вот какой у нас Мяка: и шутник, а всё знает. Мы все его полюбили.

Мишка настоящий, живой

Матрос Шевченко очень любил мою маму-Наташу и упротсил её папу-капитана разрешить для забавы девочки привезти в дом настоящего живого медвежонка. Где он его взял? Оказывается, во время отпуска он охотился в лесу и там подобрал сиротку-мишку (его мать-медведицу убили).

Всё это я услышала в кухне, когда няня с Наташей (я у неё неотступно на руках) пришла за молоком. «Сам-то (это капитан), – сказала кухарка, – любит животных, а уж дочку ещё больше. Ну как не побаловать девочку! Разрешил держать медвежонка в комнате Шевченко. Но строго-настрого запретил выводить медвежонка из каморки, когда его самого нет. Только при капитане и на поводке».

Как Наташа была рада увидеть настоящего мишку, такого смешного шалуна! Он ей и нам очень понравился и казался совсем не страшным, а забавным.

Но вот однажды пришли мы с прогулки: няня, Наташа со мной и Мякой в коляске. Няня с Наташей разделись и пошли мыть руки, а нас в коляске оставили в прихожей. Слышу,

кто-то позвал Шевченко, а дверь в его комнатку выходит в переднюю. Он быстро вышел и не закрыл плотно за собой дверь.

Вдруг эта дверь распахнулась, и из каморки выскочил медвежонок. Теперь, без поводка, он мне показался страшным. Шалун-мишка увидел пёстро одетого Мяку и хватить его лапой – поиграть с ним, видно, захотел. А вы знаете, дети, какие у него когтищи?! Вмиг Мяка очутился в его страшных лапах. «Ай-яй-яй! Спасите!» – закричала я. Но ведь люди не слышат, не понимают. Мишка поволок Мяку в столовую, что рядом.

А там как раз был накрыт стол – ждали гостей. Я не видела, что там происходит, но услышала страшный крик прислуги и затем звон разбитой посуды. Няня потом рассказывала, что медвежонок вцепился когтями в скатерть, хотел что-то стащить со стола и через минуту уже барахтался под скатертью и всем, что на нём: тарелки с едой, рюмки, бутылки с вином – всё, всё разбилось и пролилось.

В переднюю, где я оставалась в коляске, вбежал взлохмаченный и сердитый Шевченко (первый раз его таким вижу), таща за собой на полотенце испуганного мишку. Мне их обоих было жалко – воображаю, как им обоим попадёт! Но Мяка, Мяка! «Что с ним?!» – подумала я.

А с ним произошла беда: «Мишка разорвал Мяке ногу, – сказала вечером няня. – А уж посуды перебил – не счесть!» Наташа заплакала – всех жалко: и Мяку, и Шевченко, и миш-

ку. Мы все притихли – что-то будет?!

Как попало Шевченко, не знаю, а медвежонок исчез из дома. «И правильно, – заявила няня. – Нечего зверей в квартирах разводить. Ещё не то могло бы случиться. Боже упаси!» И ещё долго про себя ворчала на «барина». Это значит на капитана... и на Шевченко. Но негромко.

А Мяки тоже три дня не было. Я думала, что мишка его съел. Но на четвёртый день появился, немного грустный. И я увидела, что одна нога у него короче и немного тоньше, видно, пришлось, зашивая, ему ногу подрезать немного.

Но Мяка у нас – настоящий мужчина. Когда Тамара не очень деликатно ему заявила: «Ой, у тебя одна нога короче», – он ответил шуткой: «Ничего, зато другая длиннее». Шутка хорошая, но мне почему-то не хотелось смеяться. А Наташа Мяку ещё чаще стала брать с собой гулять. И ещё попросила тётю сшить ему новый костюм.

Однако выдумщиком он остался по-прежнему. И стал как-то больше фантазировать. Вот пример. Тамара все приставала к нему с вопросами: «Тебе было очень страшно, когда тебя схватил медвежонок?» – «Да нет, не очень. Я и не в таких когтях побывал», – сказал он небрежно. «Ой, расскажи!» – в один голос попросили мы все. «Ну, не сегодня, я спать хочу!» – и замолчал. Тут уж проси-не проси, – слова не добьешься. Но на следующий день...

Мякин рассказ

Про бурю на море вы уже знаете от Шурочки. Только она эту бурю слышала, но не видела, а я не только видел, но страшную силу её на себе почувствовал, потому что на палубе очутился в самый разгар её. Вот как это было.

Мой хозяин, который меня купил в Марселе, в лавочке, где и Шурочка продавалась, сдружился с рулевым. Это важный человек на корабле. Он стоит за рулём (называется штурвал) и управляет кораблём. Куда повернёт штурвал – большое колесо, – туда корабль и пойдёт. А капитан ему приказывает, куда повернуть, значит, он ещё важнее рулевого.

Вот слышу, мой хозяин-офицер с рулевым поспорили. Тот говорит: «Будет большая буря скоро – буревестники летают, и ветер тучу гонит». А мой хозяин возражает: «Какая буря может быть в море? Это в океане бури сильные бывают, а здесь – пустыки, да и погода солнечная». А рулевой своё: «Нет, будет буря». А мой офицер: «Нет, не будет! Давай поспорим: если я выиграю, то ты мне отдашь то, что в Марселе купил. Если ты – то я тебе отдам, что там купил». «Хорошо, – отвечает, – давай! Только ты мне покажи, что ты купил: мой прекрасный нож новый, что я там приобрёл, ты уже видел», – говорит рулевой. «Ладно», – ответил мой офицер и принёс меня (конечно, вынув из яйца) на палубу. Ну, понравился я штурману, говорит: «По рукам». Это значит – согласен.

И только они руки друг другу пожали, как задул страшный ветер, волны сразу с дом величиной. И пошли волны бросать наш корабль так, что матросы еле на ногах держатся. «Полундра!!!» – кричит матрос в трубу. Это значит – все на палубу, по местам. Тут и капитан выскочил, сам встал за штурвал, но и командует, кому что делать, как паруса направлять. Про меня уж забыли, конечно, хоть рулевой меня себе взял – ведь он спор выиграл. Сунул меня в угол между канатами.

Да какое там... Как волна хлынула на палубу, меня подхватила и унесла в море. «Ой, – закричала Тамара, – и ты стал тонуть?!» – «Нет, я хорошо плаваю. Носит меня волна вверх-вниз, вверх-вниз. Ну, думаю, отнесёт меня от корабля далеко.

Но случилось самое страшное – громадная акула. Пасть свою зубастую открыла и на меня... а я ей как раз и вставил доску, что тут плавала, стоямя в ее пасть так, что закрыть рот она уже не могла. Тут я и вывернулся, а акула так с разинутой пастью и уплыла».

«Ой, как страшно! Ну ты и молодец!» – восхищались мы его находчивостью. А Миша говорит: «Постой! А как же ты говорил, что в каких-то когтях побывал?» – «А это ещё не всё, – сказал Мяка, подумал и продолжал: – Вот уплыл я от акулы, и вдруг – страшная встреча ещё с одним морским хищником. Кружит надо мной буреветник – такая большая серая чайка. Он решил мной поживиться. Хвать в свои когти

и взлетел высоко-высоко. Ну, думаю, тут мой конец. А мой враг, видно, понял, что не рыба я, не гожусь для еды, и бросил, да как раз угодил мной на наш корабль. Вот повезло!

Тут меня подхватил наш Шевченко и понёс меня подправить матросам-мастерам. Славные такие матросики – Санька, Митяй и Лёша. Они мне все дырки зашили». – «Ой! – вскричала я. – Да это те мастера, которые и меня в порядок привели!» «Да-да, они», – обрадовался Мяка.

Вот что рассказал нам Мяка. А вы уж, дети, решайте, что тут правда, а что выдумка. Но слушали мы его рассказ, затаив дыхание. Это-то Мяке и нравилось – значит, интересно.

Только ночью мы, девочки, плохо спали: всё акула снилась, кому с доской во рту, кому без доски – ещё страшнее.

Мои наблюдения и думы

Прошла зима. Затем весна, наступило весёлое лето. Потом и оно прошло, и опять осень... И мы заметили, что нашу Наташу всё чаще и чаще стали взрослые отвлекать от игры с нами. То её мама зовёт – хочет ей новую книжку почитать, то заставит её саму азбуку читать или что-то писать. Потом появилась какая-то строгая тётя, худющая, с очками на носу.

На нас, кукол, никакого внимания – будто нас нет. И вот посадила она Наташу за громадный чёрный рояль и заставила пальчиками ударять по чёрным и белым косточкам (клавиши называются). Наташины пальчики не могли так быстро по этим клавишам бегать, как у её мамы. И не получалось маминых красивых песенок и танцев, которые мы так любили. Ничего похожего – всё отдельные звуки – тюк-тюк... И неужели песенки и весёлые танцы её мамы состоят из таких отдельных звуков? И неужели Наташа тоже научится так быстро бегать пальчиками по клавишам, как её мама? Мяка говорит: «Научится», – а я не верю. Сколько же терпения надо!!!

А как весело мы с Наташей кружимся, когда её мама танцы играет! Но это теперь так редко бывает... Жаль... Мне уж даже плакать хочется. «Глупая, – говорит Мяка. Разве ты не видишь, что наша Наташа изменилась, выросла? Мы же учимся, а людям, знаешь, сколько всего знать нужно, сколь-

ко надо учиться. Вон, капитан корабли водить умеет. Думаешь, он долго в куклы играл?» Мяка рассмеялся, и я за ним, когда представила себе, как капитан в куклы играет.

«Выросла», «изменилась» – какие странные слова. А мы же не растём, не меняемся. А когда Мяка сказал, я и вправду заметила, что Наташа выше стала, и косички ей няня уже длинные заплетает – бантика уже на голове нет, а только на конце косички, и небольшой. А вот няня не выросла, но тоже изменилась, толще стала, и белые волоски на голове появились. А у капитана волос ещё меньше на голове стало. Все они меняются, а мы нет, почему? Мяка говорит: «Они живые». Да и не только люди. У соседей котёночек какой игрун был, так смешно за бумажкой-комочком бегал. А теперь стал большой кошкой, лежит всё на диване. И спит. Неинтересно.

Мяка говорит, что медвежонок, что ему ногу ободрал, наверно, в большого и страшного медведя превратился. Хорошо, что капитан велел его в зоопарк отдать. Вот пойдём в петербургский зоопарк, может, его увидим. Наверно, и не узнать изменился. Интересно.

«А ты думаешь, только люди и животные меняются? А заметила, как травка к Пасхе быстро выросла, где кухарка крашенные яйца раскладывала? А бутончик... помнишь?.. в розочку превратился, а потом розочка завяла и пропала. Вот как все живое изменяется». А жаль, что завяла, лучше бы осталась такой красивой, – подумала я. – И уж не знаю, хорошо, что мы, куклы, не растём и не изменяемся, или пло-

хо? «Хорошо, хорошо, – говорит Мяка, – не хочу вянуть, как розочка!» – и смеётся, что сравнил себя с розочкой. И тотчас сочинил песенку:

Не хочу меняться,
не хочу расти,
лучше оставаться
куклой детворы!

Я повеселела. А скоро и ещё веселее нам стало жить, и Наташа опять к нашим играм приблизилась, правда, ненадолго. Расскажу завтра, как это случилось.

Ещё учительница

Начался следующий день с огорчения и для нас, и для Наташи, но потом... вот увидите. Только затеяла Наташа с нами интересную игру, вдруг приходит в детскую её мама и сообщает: «Наташа, сегодня вечером придёт с тобой знакомиться новая учительница. Она будет с тобой заниматься французским языком и поедет с нами на дачу. Будь с ней вежлива и послушна. Кукольный уголок приведи в порядок, что-то у тебя вещи разбросаны, куклы не причёсаны», – и ушла. Мы все погрустнели. Придёт такая же строгая, в очках, как учительница музыки, на нас не поглядит и будет к Наташе приставать с книжками и тетрадями. И совсем не останется у Наташи времени играть с нами. Я, конечно, заплакала, а Наташа тоже нахмурилась и пошла искать няню. Она всегда свои беды ей выкладывает. Наша игра расстроилась.

К вечеру Наташа с няней всё в наших кукольных комнатах убрали. Нас, кукол, Наташа за стол посадила, нам новые платья надели. Мишке новый галстук повязали, а Мяке втиснули в руку перо – будто пишет. Открылась дверь, и в комнату вошла Наташина мама, весело болтая по-французски с молоденькой, улыбающейся толстушкой: «Я вас попрошу Наташу не утомлять чтением и письмом, а просто в игре развязать ей язык. Она начинает уже говорить, но мне некогда с ней заниматься, да вы это сделаете с умением. Вы ведь зна-

ете, что в институт принимают девочек, понимающих французскую речь.

Вот моя Наташа. Наташа, подойди, поздоровайся с мадемуазель Анн». Наташа робко подошла и присела в реверансе это такой поклон перед взрослыми. Вижу, что она внимательно посмотрела на подошедшую и вдруг... улыбнулась, что с ней редко бывает при знакомстве со взрослыми. А учительница взяла её за руку и сразу подвела к нам: «Ну, познакомь меня с твоими куклами, как их зовут? А Миша не кусается?» – и зашебетала то по-русски, вставляя французские слова, то по-французски, а увидит, что непонятно, на русский перейдёт, да так ловко и весело, что Наташа сразу охотно отвечать стала на её быстрые вопросы. И игра с нами продолжилась. «Да это не учительница, а подруга и Наташе, и нам», – заявил Миша. А Мяка засмеялся: «Я вижу, ей ещё и самой в куклы поиграть хочется». И жизнь у нас пошла – одно веселье, с выдумками новой нашей «подруги». А её длинное имя Наташа быстро сократила и превратила в Мдзель-Анн. Её в доме все полюбили, прогулки с ней были одно удовольствие. Французский Наташе нисколько не мешал, ну, а мы-то с Мякой всё понимали – родной он нам. Что-то будет на даче?! Вот уж где наиграемся в Павловском парке! Только бы нас всех разрешили взять! Едва ли...

И позволили взять только двух: «Если тебе покажется мало, купим ещё новую в Павловске», – сказала мама. Наташа выбрала меня и Мяку. А Мдзель-Анн взяла в свои вещи ма-

ленькую Тамару, конечно, с разрешения «Мадам» (это Наташина мама). Едем!!!

Происшествие в парке

И вот мы на даче в Павловске. Там дивный парк. Только не всегда можно было тогда детям бегать всюду по дорожкам. Во дворец тоже не пускали, как теперь. «Там живут родные царя», – с таинственным видом заявил Мяка-всезнайка. Мы видели, в каких красивых каретах они приехали. Целая вереница верхом скачущих блестящих военных и за ними карета, которую везут шесть лошадей, запряжённых по паре... (Совсем как в сказке про царевну, что Наташина мама читала.) Вот тогда и не пускали в парк около дворца, и можно было только далеко от дворца гулять.

Пришли мы тогда, далеко обходя дворцовую часть парка, к красивому дому с толстыми колоннами из розового мрамора; совсем в лесу, над ручьём, стоит памятник какому-то царю. Мдзель-Анн затеяла с нами игру в прятки. Я у Наташи, а Мяка – у Маши, соседской девочки, с которой Наташа дружила. Девочки нас прятали: то меня спрячут Маша ищет, то Мяку – тогда Наташа искать должна. Весело! И не заметили, что туча надвигалась, и только когда гром загрохотал, спохватились. «Дети, быстро домой! – кричит Мдзель-Анн. Пальтишки на головы, бегом!» Меня в Мдзель-Аннин платок закутали, бежим, уже дождь полил, через лужи скачем. Добежали уж до ворот, вдруг Наташа: «А где Мяка? Маша, ты же его прятала. Неужели забыла взять?!» – «Забыла», –

оторопела Маша и назад бежать хочет. Мдзель-Анн не пускает: «Домой, домой, промокли мы. Вот переоденемся, тогда сходим за Мякой».

Я, конечно, заплакала, вижу, и Наташа испугалась за Мяку: «Ой, кто-нибудь его возьмёт, пропадёт наш Полишинель бедный!» Расплакалась. Мдзель-Анн утешает: «Никто не возьмёт, сейчас гроза, а потом уж и поздний вечер, никто не гуляет, – обещает рано утром за ним сбегать: – Я знаю, где его Маша спрятала».

А грозица во всю мощь! Прибежали домой. Мама Наташи встречает недовольная, что мы далеко зашли и грозу прозевали. А гроза до ночи не переставала грохотать. Так и уложили Наташу спать, а Мяка остался на всю ночь, да в грозу, в тёмном парке, бедняга! Наташа долго не могла успокоиться. Мдзель-Анн утешает: «Да не промокнет он, под крышей, не плачь. Не пропадёт твой Мяка».

Наташа рано проснулась. Смотрим, Мдзель-Анн уже одета: «Быстро вставай, за Мякой пойдём». Убежали. Мы с няней остались дома и слышу её воркотню: «Не досмотрела, вот и кукла пропала, а всё ветер в голове, играет с детьми, как маленькая». Это она, знаю, про кого: про Мдзель-Анн.

Долго мы ждали. Не идут и не идут. Только к обеду вернулись. Входит Наташа в детскую... Слава Богу! У неё на руках Мяка. Ура! Нашёлся. «Почему так долго?» – говорит опять недовольная мама Наташи. Но скоро она перестала сердиться, когда услышала интересный рассказ Мдзель-Анн.

Вот этот рассказ:

– Простите, что мы так долго, начала Мдзель-Анн. – Мы опять должны были обходить далеко дворцовую часть: проезжали кареты, наверно гости во дворец к великому князю.

Наконец мы прибежали к памятнику императору Павлу, где играли с девочками вчера. Я хорошо помнила, где мы спрятали Полишинеля – в нише подвального окна, незаметной в стене. И вдруг видим: стоит там часовой солдат с ружьём. А Мяки в нише нет. Я огорчилась, не знаю, что делать. А Наташа решительно подошла к солдату и смело спрашивает: «Господин солдат, вы не видели здесь моего Полишинеля?» А я думаю: ведь часовой не должен, стоя на часах, разговаривать. Да и зачем он тут стоит? И вдруг заговорил наш часовой: Какого такого «пошинеля» (коверкает слово – первый раз слышит)? А Наташа смело: «Да кукла такая, в жёлтой рубашке, с красным носом, на клоуна похожа». Солдат улыбнулся. И вдруг отставил ружьё, полез в свою сумку, что сбоку висит, и... достаёт оттуда нашего Полишинеля: «Этот?» – говорит улыбаясь. «Да, да, он!» – схватила своего Мяку и ко мне. Тут и я расхрабрилась и спрашиваю: «А как кукла к тебе попала, и зачем ты тут поставлен?» – «Как зачем? Куклу сторожить», – и рассказал мне следующее.

Рано утром великий князь Константин всегда гуляет со своими сыновьями в парке. И вот пришли они к памятнику. Младший из сыновей подбегает к отцу со словами: «Папа, смотрите, какую смешную куклу я нашёл вон там в нише». –

«Эта кукла, по-видимому, забыта каким-то ребёнком. Это чужая вещь, изволь вернуть её на прежнее место», – строго сказал отец. Смущённый мальчик выполнил требование отца. А обращаясь к офицеру свиты, отец добавил: «Чтобы куклу никто не тронул, поставьте караульного солдата, пока за куклой не придёт её владелица».

– С той поры солдат и охранял Полишинеля, – закончила свой рассказ Мдзель-Анн. «А про значок-то не рассказали», – напомнила Наташа, показывая маме флажок на груди у Мяки. А я ещё раньше заметила его и удивилась. «Ах да, забыла, спохватилась Мдзель-Анн. – Маленький князь, расставаясь с Полишинелем, прикрепил ему на грудь свой значок в виде флажка, сказав: «Вот тебе морской Андреевский флаг, помни обо мне и будь моряком, а не Полишинелем», – и убежал за отцом». «Очень интересный рассказ, он понравится капитану, за обедом обязательно повторите его, – рассмеялась мама и добавила, обращаясь к Наташе: – Мой руки и живо за стол».

Когда они ушли, Мяка говорит: «А я тебе расскажу, за что я получил этот значок». – «За что?» – говорю я. «За спасение мышонка». – «Как? Расскажи, какого мышонка?» – стала я приставать. Но он заявил, что ночь не спал и должен отдохнуть: «Завтра узнаешь». Всё. Вы же знаете, что он не любил, когда к нему приставали. А утром...

Ночь в парке. Рассказ доблестного Полишинеля

Отшумела гроза, прошёл дождь. Настала ночь. Тихо, только тяжёлые капли падают с деревьев. Сплошная тьма окутала лес. И вдруг сквозь тьму и тишину прорвался чей-то крик: «Уху, уху-уху!» Я понял – это филин так кричит. Он не спит по ночам и охотится за мелкими зверьками. Знаю, что меня не тронет, а всё же – мороз по коже: уху-уху!..

Вдруг что-то вблизи зашебаршило. Мелькнула отдалённая зарница и на мгновение осветила место, где я сижу. Всматриваюсь – маленький мышонок, мокрый, продрогший, мечется по холодному полу, ищет укрытия. А «уху-уху» уже близко раздаётся, схватит филин мышонка. А тот, бедняга, бегаёт, где спрятаться – ни щели здесь в мраморе... и спрыгнуть вниз страшно. Так жалко мне его стало. Я его кличу! «Сюда, сюда, ко мне под рубашку, иди, иди!» И представь, понял, что моя рубашка единственное прикрытие. Шмыг ко мне, прижался, а сам дрожит от страха и от холода. Но сообразил, видно, что шевелиться нельзя – филин заметит и схватит (тут и мне заодно попадёт) – прицепился и замер. Лежит, как мёртвый, у меня под рубашкой. А филин уже на соседней сосне шевелится, слышу. «Ну, разбойник, не дам я тебе мышонка, улетай гоняться за другими. Их много из залитых норок вылезло, а этого не дам... мой мышонок».

Посидел филин на сосне, посидел, выдохнул злобное «уху!» и улетел, неслышно махая крыльями. А я боюсь дохнуть, разбудить мышонка. Да и сам задремал.

Проснулся, когда весь лес уже огласился пением птиц. Встало солнышко и пригрело нас с мышонком. Слышу, шевельнулся, даже пискнул, вылез из-под рубашки, встряхнулся и... убежал куда-то... «Беги, теперь не опасно!» – думаю. А тут садовники и сторожа ходить стали, перекликаются... «Ну, а дальше ты всё знаешь».

Мяка замолчал. «А как же маленький князь мог знать про мышонка? Ты ж ему не рассказывал», – усомнилась я. Он помолчал и сказал: «Не знаю, только мне так интересно думать, что награду я получил за спасение мышонка». Я подумала и говорю: «И мне это нравится, пусть – за мышонка». Мы весело рассмеялись. «А моряком не хочу быть. Останусь Полишинелем», – заявил Мяка решительно. «Правильно», – согласилась я, вспомнив бурю и ещё... акулу.

Огорчение и радость одновременно

«А разве может быть такое?» скажете вы. Да, представьте – может. Вот я вам расскажу, как это было, и вы поверите.

Стали мы к концу лета замечать, что всё чаще и чаще укладывать вечером Наташу приходила няня. Спросит Наташа: «А где же Мдзель-Анн?» А в ответ: «Да не знаю. Наверно, в концерт пошла». И улыбается. Или: «Сегодня бал у кого-то, пригласили всех барышень, и наша пошла». А Наташа любила, когда Мдзель-Анн ей на ночь читала, она к концу лета всё стала понимать по-французски и уже хорошо говорить научилась.

И наступил день, который мне запомнился на всю жизнь.

Гуляли мы с няней. На удивленный вопрос Наташи о Мдзель-Анн няня ответила коротко со скрытой улыбкой: «Она сегодня в церкви... День такой...» И дальше ни слова. Пришли мы домой. А там суматоха... Ну, думаем, гости, дело у нас обычное. Странно только – Мдзель-Анн опять с нами нет...

Вдруг приходит в детскую Наташина мама. Сегодня даже красивее одета, чем обычно при гостях. А лицо радостное, но какое-то серьёзное. Садится. Наташу за обе ручки ставит перед собой и как-то не сразу начинает разговор: «Наташа, у нас радость, Аннет выходит замуж. Сегодня свадьба, поэтому у нас гости. Я знаю, ты её любишь и тоже порадуюешься за

неё. Правда? Да и за себя, потому что она останется навсегда в России и даже пока будет жить в Кронштадте и часто будет приходить к нам. Её муж – моряк. Но завтра они уезжают в свадебное путешествие во Францию. Аннет зайдёт с тобой проститься.

А сейчас няня наденет тебе твое любимое розовое платье, и ты придёшь к гостям поздравить новобрачных на минутку и подаришь Аннет на память вот эту чашечку. Красивая, правда?» Я ахнула, когда увидела очаровательную китайскую чашечку. (Наверно, капитан привёз её из Китая.) В дверь постучали: «Барыня, вас зовут». – «Иду, иду, – крикнула мама. – Ну, будь умницей!» – поцеловала она Наташу и быстро вышла.

Мы все оторопели: уезжает от нас наша Мдзель-Анн! Наташа стоит какая-то беспомощная, растерянная, опустив ручки... К счастью, пришла няня, села. Наташа уткнулась ей в колени и заплакала. А за ней, конечно, и я. А няня гладит Наташу по головке: «Не плачь. Ты уже большая, должна понимать. Радуйся за неё: ведь сирота она и бедная. А теперь будут хорошо жить. Он её баловать будет. Увидишь, какое богатое ожерелье у неё на шейке, – это он ей. А к нам ходить оба часто будут, пока в Кронштадте останутся. Привязалась ведь она и к маме, и к тебе. Плакать нельзя. А коли плачешь, значит плохо её любишь». – «Нет, хорошо люблю, но только... как же без неё?» – прохныкала она. «Радуйся её счастью. Вытри слезы, и давай одеваться. Вон, как я платье

тебе накрахмалила, все залюбуются...» Наташа улыбнулась сквозь слезы.

А из столовой доносился весёлый шум пирующих, смех, музыка и крики заздравные и почему-то: «Горько». Странно даже: веселье, а «горько»?..

На следующий день, только мы проснулись, распахнулась дверь, и в детскую входит стремительным шагом пара, уже в дорожных костюмах. Мдзель-Анн и с ней... Боже мой!.. Да это же помощник капитана и его друг, который подарил Наташе Полишинеля, нашего Мяку. Вот кто теперь муж Мдзель-Анн. «Я так и знал, – заявил хвастливо Мяка. – Очень рад, что он не только меня удачно выбрал, но и жену, – и добавил: – Правда, она немного красивее меня», и рассмеялся.

Мдзель-Анн стала поспешно прощаться с Наташей. А её муж подошёл к нам, куклам, и торжественно пожал Мяке руку: «Я рад, что ты вылупился в этом доме. Этот дом приносит счастье. Я буду в Марселе и передам от тебя привет лавочнику, у которого я тебя приобрёл». – «И от меня, и от меня!» – кричала я, но он не слышал. Видя, как Наташа прощалась с Мдзель-Анн, я прослезилась, но Мяка мне строго сказал: «Опять хнычешь, глупая, разве ты не поняла, что Золушка нашла своего принца?» – «Да, да, это как в сказке, – согласилась я. – Ведь я плачу от радости за обоих». (Тут я не совсем сказала правду: к радости присоединилась капелька горечи разлуки.)

В дверь постучали: «Лошади поданы». – «До свидания,

будьте счастливы!» – кричали мы уходящей паре. На сей раз мы были услышаны, потому что кричали вместе с Наташей.

В доме стало тихо. Все, видимо, ушли в парк провожать отъезжающих. И вдруг, после некоторого молчания, Мяка произнёс: «А Мдзель-Анн больше нет». Я возмущённо: «Как так нет? Она вернётся, мы её увидим в Кронштадте, мама сказала». А он своё: «И всё-таки мадемуазель Анн больше нет». – «Перестань меня дразнить, я сейчас заплачу», – уже захныкала я. «Но есть мадам Анн». – «А-а-а, поняла, ну это верно, – согласилась я и прибавила: – И всё-таки ты – противный дразнилка!» Он рассмеялся. А я успокоилась.

«На спячку»

Люди – какие-то всё же странные «существа», как говорит Мяка. Всё им что-то хочется, что-то надо. Всё им на месте не сидится. Уж казалось бы, как хорошо дома! Все дружные, весёлые – и музыка, и танцы дома бывают. Так нет! Глядим – капитан опять в море собирается, ремонт корабля торопит. И охота ему в эти океаны с бурями страшными, с акулами да буревестниками!..

Наташиной маме хочется в Петербург, в театр, в концерт. А зачем? – села да и сыграла сама, а то – сестру-музыкантшу пригласила, или скрипача знакомого...

И Наташа туда же: «Скорее бы мне вырасти! Поеду учиться в Смольный институт. Там столько подруг будет!» А разве мы не подруги? Мяка говорит: «Не разговариваем». А няня? Уж такая говорунья! Да приходит и Маша, что Мяку в парке забыла.

«Ой, скоро, скоро будет у нас спячка», – говорит Мяка. Мы испугались.

Вы не знаете, дети, что такое спячка? А Мяка-всезнайка объяснил. «Когда, – говорит, – мамы-девочки у кукол вырастают, они своих кукол или другим детям отдают, или «на спячку» убирают в сундук и берегут для своих будущих детей... Наташа нас так любит, что не захочет расстаться с нами и побоится отдать в чужую семью... Наверно, «на спяч-

ку» уложит. Ну что ж! Поспать, отдохнуть тоже неплохо (он любил поспать): спят же медведи в берлогах целую зиму. Ну, а мы и несколько лет проспаться можем, пока детские руки или вообще человеческие нас не оживят, как Принц Спящую красавицу. Помнишь?»

И он напомнил мне картинку из сказки во французской книжке. Там в замке все сразу заснули. И король с королевой, и стража, и вся прислуга, и повар с большой ложкой в руках (хотел суп пробовать), и поварёнок – мальчишка, что кошку за хвост схватил, и кошка заснула – все, все... «И тоже они долго-долго спали, пока принц не пришёл и принцессу не разбудил. Вот так и мы будем спать. И даже интересно, как это мы проснёмся, и уже, может быть, совсем в другом городе, и разбудит нас другая мама-девочка. А теперешние дети будут совсем взрослые – мамы и папы будущих своих детей. Узнаем ли мы их?!» – размечтался наш Мяка и заодно так заговорил нас, что мы перестали бояться «спячки».

И вот наступил решающий для нас, всех кукол, день. Увезли нашу Наташу в институт. Наплакались мы все, расставаясь. И ждём нашей участи. Приходит няня уже убирать детскую. Тут уж будет другая комната для взрослых, может быть для гостей. Ведь часто приезжают из Петербурга с ночёвкой.

Вот подошла няня к нашему уголку и прослезилась. Ну и я, конечно, заплакала. А она, как всегда, ворчит: «Ишь, что вздумали – в институт девочку! Будто дома не научат, али в

школе. А там, Бог его знает, какие учительницы – поди, сердитые... Да и девочки озорные бывают, ещё обидят нашу-то, ведь скромница она... А с куклами куда? Раздавать будут, что ли? – таких-то красивых...»

Вошла Наташина мама: «Няня, сейчас Шевченко принесет сундучок, знаете, кованный, который пойдёт к Елизавете Романовне (это тётя Лиля) в Петербург. Туда на дно уложите, пожалуйста, аккуратно кукол. Наташа велела всех-всех взять. Только куклу-учительницу не надо. Можно её отдать куда-нибудь. А шкафчик и все платья упакуйте в картонную коробку из-под моих шляп. А сверху в сундучок уж я сама уложу свои вещи». И ушла.

«Ну вот, наша судьба решилась: «на спячку», – заявил Мяка. Ну и хорошо. В этом славном доме останемся. Вот уж выплусь на славу! А проснёмся, поболтаем-поболтаем и опять уснём».

«Да, – подумала я, – это не в отдельных коробках привязанными лежать, как в мастерской да в магазине, здесь будет веселее всем вместе. Интересно, какой это сундучок?»

И вот увидели. В жизни не видала больше никогда такого. Представьте: Шевченко приносит тяжёлый, хоть и пустой, сундук, кованный, значит весь покрытый железом, рисунком отделанный.

Няня к нему... да никак открыть не может. Заперт, да и скважинки, куда ключ вставляется, нет. Входит Наташина мама: «Вы удивлены? Как в него попасть? А он с секретом.

Вот смотрите!»

Нажала в одном чуть заметном по пятнышку месте в крышке. И тотчас отпрыгнул кусочек железа, и там в щели лежит ключ. Вынула его мама, потом в другом месте, уже в стенке, ещё нажала незаметное пятнышко – открылась скважина для ключа. В неё она вставила ключ и повернула – раздался красивый звон, так что мы вздрогнули. И крышка открылась. А внутри сундучок отделан синим бархатом. И это ещё не всё. У крышки тоже свой секрет. Она двойная. Нажмёшь пальцем там, в бархате, одно пятнышко, и тотчас откидывается часть крышки внутри. А там уже лежат сложенные бумаги, которые надо хранить, разные важные документы, ценные бумаги, медали, награждения по службе, что капитан получил и даже его папа – всё хранится, чтобы дети знали про отцов, дедов. А потом ещё туда Наташина мама положила драгоценности старинные, чтобы, как в музее, хранились.

Вот в какой важный сундучок нас положили. Закрыли крышку, ключ опять с музыкой повернули. Ну, наверно, в щель обратно убрали, и скважинка, слышим, захлопнулась...

«Спите, куколки... – говорит няня. – Не скучайте, до новой встречи! Бог даст, увидимся!» – «До свидания, до свидания!» – кричали мы, но нас, как всегда, не слышали. Скоро мы заснули.

Часть вторая. Мама Катя

Пробуждение и нетерпение

Кованый сундучок, в котором мы спали, время от времени открывался. Что-то из него брали, что-то другое на смену положат, но нас не трогали и не вынимали. А мы ждали... И ждали мы в Петербурге, у тети Лили. Туда ведь отвезли наш сундучок.

Мяка что-то считал, соображал, раздумывал, прикидывал и вдруг объявил, что прошло ни много ни мало, а двадцать лет нашей спячки. Я не поняла, что это значит, да мне все равно спится хорошо. Когда откроют сундучок, проснемся, поболтаем и опять уснем... «А годы идут», – скажет Мяка. И я опять не понимаю, что такое «годы», и куда они идут. Надо подумать: ведь поняла (потому что сама видела), что дети растут, взрослые изменяются, а розочки вянут, а потом пропадают. Может быть, и это когда-нибудь пойму.

И вот наступили в жизни перемены.

Что нас в сундуке куда-то везут, мы, конечно, почувствовали, и что из одного экипажа в другой переносили. Потом по стуку колес Мяка определил, что в поезде едем. «А раз в поезде, значит, в другой город, – говорит Мяка. – Соображать надо».

А мне жаль, что из Петербурга уезжаем, может быть, без тети Лили – она, говорят, старенькая. «А кто же нам платья шить будет?» – захныкала я. А Мяка осуждает: «Да только бы тебе о платьях думать, модница-нарядница, и, подумав: «Да Наташа тебе сама не хуже сошьет». – «Наташа?! – воскликнула я. – Да разве девочки умеют шить?» – «Глупая! – перебил меня Мяка. – Опять забыла, что они шить не умеют, но зато расти быстро очень умеют».

Я постыдилась своей глупости, но расхохоталась, когда представила себе Наташу ростом с Шевченко. «Никогда таких больших девочек не видела!» И опять рассердила Мяку: «Да не только растут люди, но и изменяются. И об этом забыла? Учи тебя, учи, а ты все свое». И даже отвернулся.

Мне стало стыдно. Ну, посмотрю, какая же Наташа стала: неужели так изменилась, что не узнаю? Вдруг она теперь толстая, как няня, и лысая, как капитан. И опять рассмеялась. «А что смеёшься, хорошо, значит, выпалась», – сказал Мяка...

И вот приехали. Так мне было любопытно увидеть скорей Наташу, её маму, няню, Шевченко... Но опять та же история: открывают сундучок, достают что-то, а нас не вынимают... И я опять в слезах.

Но вот однажды плотно крышку не закрыли, и не прозвонил закрывающий её ключ. Можно слышать всё, что делается кругом. А услышали мы суматоху в доме, такую знакомую в Наташиной семье, когда гости или праздник.

«Ну, значит, наша семья, – заявил Мяка. – А я боялся, вдруг в чужой дом нас завезли». И только сказал, вдруг раздался громкий лай. «А вот это что-то новое, незнакомое, – удивился Мяка. Ничего не понимаю». – «Ой, как страшно!» – вскрикнула я. «Чего ты испугалась! – ведь не медведь же – собака...» – «Но это опасно для меня, – раздался голос Миши. – Знаешь, как собаки медведей травят, если охотничьи». И вдруг голос: «Райка, что ты лаешь! Ведь это папа пришёл». Это был детский голосок мальчика.

«Ну вот, девочки нет, а мальчики не умеют играть в куклы», – заскулила я. Мяка молчит, прислушивается. И ещё слышим мужской незнакомый голос: «Наташа, не пускай, пожалуйста, Райта в детскую, закрой дверь».

«Всё незнакомое в этом доме», – продолжаю хныкать. «Как незнакомое? А слышала: Наташу назвал голос? – значит, мы дома, дома, ура!» Но меня это ещё не успокоило. У няни тоже была сестра, Наташа – Наташ много. Может быть, и чужая», – «Нет, нет, наша, наша. Кто же может ещё открыть сундучок с секретом, ведь это знают только в нашем доме», – обрадовался Мяка, и я немного успокоилась, и Миша тоже: «Конечно!»...

Ждём. А суматоха продолжается. Слышим шаги нескольких людей, несущих что-то тяжелое. И женский голос: «Сюда, сюда несите и в гостиную, в угол, поставьте и закрепите, пожалуйста, чтобы не упала на детей. – Няня, когда ёлка обсохнет, дня через два, приведите детей, будем её украшать.

А пока не надо их сюда пускать...»

Вот что, принесли ёлку! Как интересно! Значит, мы приехали как раз к Рождеству. К празднику весёлому уж нас обязательно вынут! «Ура, ура!» ликуют Мяка и Миша. «А скажи «дети», значит, может быть и девочка есть», – сообразила я и даже похвастала своей сообразительностью друзьям. «Молодец! за твой великий ум ты получишь даже награду от великого князя». Вечно он смеется надо мной. Но я не обиделась. Мне было интересно, что будет дальше.

А дальше было все то же. Няня не идёт, и нашему терпению пришёл конец. Мы с Надей стали приставать к Мяке с вопросами (он же всё знает): почему нас так долго держат взаперти? Что с нами будет? Как же дети без игрушек? Почему не идёт няня? А Мяка: «Вот расхныкались. Двадцать лет спали – ничего, а тут трёх дней подождать не можете!» Мы оправдывались: «Так нас не будили, вот мы и спали, а теперь...» Но меньше всего терпения у маленькой Тамары. Она просто всё время плачет. И стали мы просить Мяку, чтобы он рассказал ей какую-нибудь сказку, чтобы её успокоить. «Ладно, подумаю, – говорит. – А про что?»

Тамара оживилась: «Сочини сказку про зайчика, как был зайчик и пропал». У нас, и правда, был зайчик и потерялся, а она его очень любила. Задумался наш Мяка, лежит, сочиняет. И придумал он такую сказку.

Слушайте, говорит. Сказка называется «Зайчик-убегайчик» или просто «Ты бы».

У одной зайчихи было два зайчика. Один послушный: лежит себе возле мамы, никуда не убегает, а другой... Что ни день... прыг... и убежит. Но возвращался. А тут вернулся к маме, ушко ободрано, шерстка на спинке повыдергана. Спрашивает его мама-зайчиха: «Где ж ты был, мой Заинька?» И слышит в ответ:

Я капусту таскал,
Зелёную щипал.

(Он всё в рифму говорил. Помните? Нас в Кронштадте учили, он и запомнил.) А мама его всё спрашивает: «Тебя, видно, поймали и избили?» А он:

Били, били, маменька.
По головке рукавами,
А по спинке кулаками.
Больно!

«Ты бы, – говорит мама-зайчиха, – за кустик спрятался».
А заяка:

А кусточек реденький,
А я, заяка, беленький.

Мама опять ему: «Ты бы на елочку, Заинька, залез». А он:

А на елке иголки,

боюсь, – уколюсь.

Жалеет его мама: «А ты бы в бороздку присел, и не видно Заиньку». А тот опять:

А борозда узка,
а капустка низка.

Мама всё старается его научить на будущее, чтоб опять не попался Зайка: «Ты бы в деревню, да в сарай спрятался, и не нашли бы тебя». А он:

А в деревне сторожа,
Ох, боюсь я их ножа.

Уж не знает мама, что ещё придумать, как от людей спастись: «А ты бы...»

И вдруг рассказ Мяки прерывает звонкий поворот ключа. Мы вздрогнули. Тут уж теперь нам не до Зайчика, потому что слышим голос: «Няня, помоги мне вынуть всё из сундука и достать кукол, они на дне лежат».

Ура! Ура! Освобождение!

А что дальше было, завтра расскажу.

Возврат к настоящей жизни

Не сразу попали мы в руки девочки, новой мамы. Приняли нас руки няни. Но не той кронштадтской няни, которая любила поворчать на хозяев. Помните? Эта новая няня была моложе и красивее из-за доброй улыбки. «И всё здесь будет новое?» – разочаровалась я. «Нет, не всё, – говорит Мяка. – Мы-то не новые, и сундучок тоже старый, и ещё что-нибудь старое найдём, – и добавил: – А вот для здешних детей мы новые». Как интересно! Мы и старые, и новые. «А новое интересно», – заявил Миша. Но где же новые дети? Нас почему-то им не показывают. А скоро я поняла, почему.

В комнату вошла высокая стройная дама. «А! Вот и нашли мы «старое знакомое»», – обрадовался Мяка. «Где?» – спрашиваю. И вдруг опять слышим тот же мужской голос: «Наташа, а куда поставим сундучок? Он здесь мешает». – «В столовую», – ответила эта новая тётя.

И тут я всё поняла, но и удивилась: как!!! Это она?! Наташа бывшая девочка Наташа?! Как выросла, как изменилась! Она! Она! Вижу – те же глазки, те же волосы красивые. Вот сюрприз!

И в подтверждение моей догадки эта тётя Наташа говорит: «Как я рада, смотри, няня... Это всё мои куклы. Вот Шурочка, вот смешной милый Мяка, Надя, Мишка, маленькая Тамара. Хорошо, что сохранились! Они уж, наверно, понра-

вятся моим ребятам. Не говори пока детям ничего про них – будет ёлочный праздник, вот тогда...»

Опять ждать, ну, ничего. А пока няне велено нас привести в порядок, отгладить и накрахмалить мне платье. Как интересно! А кто же этот мужчина чужой? Голос не капитана. И вспомнила я вдруг Мдзель-Анн, её свадьбу... и поняла, что Наташа уже большая, наверно, вышла замуж, как Мдзель-Анн. И новые дети, – может быть, её дети. Так оно и оказалось. «Как ты думаешь, Мяка, её муж – тоже капитан или ещё помощник, как муж Мдзель-Анн?» – «Совсем не обязательно он моряк, – ответил Мяка. – Ты привыкла, что в Кронштадте все моряки. Но приходил же к нам скрипач – не моряк».

Ну, значит, муж Наташи музыкант. Я вчера слышала, как кто-то играл на рояле, и совсем не танцы и песенки, как Наташина мама, а длинные и очень шумные «пьесы», как говорила учительница. На этом я успокоилась. Музыкант, – как та учительница, и, наверно, в очках. «Тоже не обязательно», – возразил Мяка. Ах, скорее бы праздник! Всё узнаем.

Мы, девочки, стали обсуждать, сумеет ли няня нам выбрать красивые платья. «Ох, уж эти мне модницы-нарядницы!» – вздохнул Мяка. «Ну, как ты не понимаешь! Это же праздник и к тому же – первое знакомство с детьми», – сказала Надя. А одевать нас пришла сама тётя Наташа, как теперь мы решили её называть. И мне надели то платье с кружевами и лентой, в котором я и явилась в эту семью. Всех

одела тётя Наташа очень нарядно. Лежим в шкафу, ждём...

Вдруг слышим церковный перезвон колоколов, где-то близко, как бывало в Кронштадте на Пасху. «Жаль только, что не видим, как яйца красят», – говорю я. «Что ты! Яйца красят только на Пасху. На Рождество – ёлка, – это уж Мишка выказал свои познания: – Жаль только, что не видим, как ёлку украшают, – вот это интересно. Я однажды видел в Кронштадте, когда меня в гостинной забыли. На самую верхушку крупную сверкающую звезду сам капитан нацеплял. И то на стул становился – никому не достать было. А потом уж Наташина мама принималась и тоже на табурет становилась. Подавала из коробки игрушки ей тётя Лиля. Да по выбору, не просто так подряд, а какой там шарик по цвету подходит и по величине. С толком! А потом уж на нижние ветки дети вешали и часто спорили: «Это не подходит, лучше красную свистульку. Дай, я повешу – нет, я лучше». Когда все игрушки повесят, опять капитана приглашают – свечки прищипывать. Надо, чтоб прямо стояли да крепко держались, ведь зажигать будут. Тут уж мама Наташина командует, встав подальше, чтоб всю ёлку видно было: «Нет, нет, не сюда, правее и выше, на крепкую ветку. Вот так, теперь хорошо», – скажет».

А Мяка добавляет: «Да, капитан уж тут, вижу, не приказывает, а как рулевой, команду слушает», – мы смеёмся. Вот так у нас время и проходит за разговорами. И подошло...

Знакомство с домом

«Няня, неси игрушки, пока дети с папой гуляют», – слышим. Вошла няня, нас в охапку, сначала меня и Надю, Мяку и Мишку под мышку, идём. Вот и ёлка – красавица! Мишка радостно: «Звезда, звезда та же и кораблик тот же, и шарики... Много старых игрушек вижу». А я уж не узнаю, забыла. Свечи стройно стоят, не горят, конечно, ещё день. Под ёлкой белая салфетка покрывает «ноги» ёлки, будто снег. Вот под ёлку и сажают нас рядком, возле смешного Деда Мороза с белой бородой и доброй улыбкой. Мы знакомимся. Мяка тотчас начал с ним болтать и расспрашивать, где мы, в каком городе – мужской разговор.

А мы, девочки, осматриваем комнату. Просторная, можно даже танцевать, уютный уголок у дивана, перед ним круглый столик с бархатной скатертью на нём и лампа, очень красивый абажур, тут и рояль, а на полу лежит ковёр шкура с мордой. «Разинутая пасть лисы», – объяснил Мяка.

И вдруг! явление. Сначала слышим, кто-то скребётся в дверь... Ещё посильней и... дверь открывается, не совсем (с той стороны задвинута чем-то), но просовывается чья-то морда. Дверь ещё шире, и втискивается... – ой, как страшно! – собака. «Не бойся, она не тронет, – уверяет Мяка. – Охотничья». И откуда он знает!

Входит не очень решительно: видно, ей не позволяют здесь бывать. Следим, – вот подошла, оглянула ёлку и к нам. Сердце замерло. Вдруг, как тогда медвежонок Мяку, схватит и ножку покусает! Нет, понюхал и равнодушно отошёл. А дверь-то открыта, и вот тихой поступью входит ещё посетитель – кот. Увидя собаку, немного опешил, но всё же любопытство одолело – вперёд к ёлке... И присматривается к какой-то игрушке. Посмотрела я и вижу: это очень хорошо сделанная птичка, ну как живая. Кот дотянулся и потрогал лапой, потом обеими лапами потянул, ёлка качнулась. «Вот этот зверь страшнее», – сказал с опаской Мяка. Но тут произошло неожиданное: с громким лаем на кота бросился пёс. А вслед за лаем вбежал в комнату, видно, хозяин. Совсем не похож на капитана: на голове черные волосы, смеющиеся глаза, и худенький. «Это что такое?! – говорит. – Райт, ты же знаешь, сюда ходить нельзя. Ещё возню затеяли, а дети спят. Прочь отсюда!» И сильный шлепок по спине. А в глазах бедного Райта обида: «За что? Я же спас ёлку. Кот бы её опрокинул, вот я и залаял на него». Как несправедливо! А коту

не попало. Но Мяка защищает хозяина: «Он же не знает всю историю с птичкой». Любить Райта мы, куклы, решили единогласно. И даже Мишка забыл свой страх перед охотничьей собакой. Дверь хозяин закрыл плотно. И мы опять одни.

Настал вечер; в комнате темно. И вот пришли, наконец, зажигать ёлку оба: тётя Наташа и муж. Сначала верхние свечи зажглись, потом все ниже, ниже и вот уже вся ёлка сияет, и разноцветными огоньками засветились все шарики, звёздочки, бусы. «Посидим, полюбуемся без детей». Сели на диван и стали вспоминать ёлки в детстве. Тетя Наташа рассказала, как девочки-институтки устраивали ёлку для детей-сирот, конечно с учительницами, как сначала был концерт, в котором Наташа пела французскую песенку Золушки, забыла слова и убежала со сцены.

А муж рассказал, как все его братья и он сам приехали к маме в имение (значит, на дачу) на рождественские каникулы. Передаю его рассказ: «Вот уже собираются гости, входят в гостиную и удивлены – ёлки нет. Какой же праздник без ёлки?! Подходит старший брат к балконной двери, откидывает штору... А на балконе всеми огнями сияет красавица-ёлка. «А теперь все надевайте шубки, пошли в сад!» – говорит отец. Вышли все, а там самая большая ёлка во дворе, тоже вся в огоньках, и снег кругом серебрится и блистает разными звёздочками. Был тихий-тихий вечер. Вдруг убежал куда-то старший брат и приводит целую ораву ребят из соседней деревни. Каждый переодет, кто как выдумает. Кто в маске коз-

ла, всех пугает рогами, кто в медвежьей шкуре и тоже на лице медвежья маска, кто просто на голову нацепил большой пучок соломы, что глаз не видно. А вот топает на ходулях мальчик в длинной рубаше, да так ловко, даже приплясывает. А сам вдвое выше всех. Стали вокруг ёлки хороводом ходить. Из дома выбежали девушки-прислуги, тоже включились в хоровод с песнями.

Кто дома остался, говорили, что всё это веселье выглядело из окна и с балкона, как сказка.

Вдруг младший брат Петя с плачем бросился к няне. «Что ты? Кого испугался? Медведя?» – спрашиваем. А он: «Нет, вон тот большой, страшный». А, это мальчик на ходулях. А тот увидел Петю плачущего, соскочил с ходуль: «Ты что? Меня боишься?» «Нет... – говорит Петя. Это не ты, тот страшный и большой, а ты маленький». Тогда мальчик вскочил опять на ходули: «Вот я какой большой!» Петя понял и рассмеялся.

А этот Петя теперь уже студент и придет к нам вечером на ёлочный праздник, а пока прислал детям подарки. Надо их тоже положить под ёлку», – закончил он свой рассказ и встал, чтобы принести их. Это были две большие коробки. Их и положил возле нас. Интересно, что же там?

Ёлка и дети

И наступил, наконец, самый важный момент – знакомство с детьми. Открылись широко двери и видим на пороге трёх детей: девочка, уже болыньенькая, вот-вот в школу пойдёт; мальчик поменьше, в матросской рубашечке и ещё коротеньких штанишках; и маленькая девочка, держится ручкой за брата, несмело, а глаза сразу на ёлку и даже остановилась от удивления. А старшие дети сразу к подаркам и читают билетки, кому какой пакет и какая кукла. У меня на билетике написано «Кате», и старшая не берёт. Значит, не ей. «Значит, она не Катя», – думаю. А вот на коробке написано: «Шуре», – и старшая с радостью открывает ей обещанное, видно, складывание. И тут же находит Мяку, на котором тоже написано: «Шуре». «Какой забавный! – говорит. – Вот уж подружки посмеются!» Схватила – и к маме благодарить. А мальчик к Мишке подошёл и долго читал: «Лёше». «Вот это мне», – говорит, но сам оглядывается, видно, что ещё что-то ждал. И увидел коробку, написано тоже «Лёше». Тут уж присел и стал с горящими от нетерпения глазами раскрывать. «Поезд!!!» – и благодарить надо, и оторваться от поезда не может. Но папа-хозяин сам подошел: «Нравится?» А мальчик молча прижался щекой к папиной руке, а потом потянулся поцеловать и обнять. «Потом сложим рельсы и пустим поезд, а пока ещё семафор закрыт, поезд ехать не может», –

говорит папа серьёзно.

А маленькая всё стоит и любитесь ёлкой. Тогда мама взяла её за руку и подвела ко мне: «Вот тебе куколка Шурочка, люби её и береги, как я для тебя сберегла. Головка у неё фарфоровая, это значит – бьющаяся, с ней осторожно». Катя бережно взяла и прижала к себе. Значит, сразу меня полюбила.

Стали приходиться гости, взрослые. А под ёлкой ведь ещё коробки лежат. Как тут при гостях распаковывать? Неудобно, и разложить негде. «Пойдём в детскую, там сразу и играть будем», – предложил Леша. Убежали, с трудом захватив всё, и их папа помог. Он всё понимает. Жаль, что с гостями остаться должен.

Вот мы и в детской. Просторная, и кукольный уголок есть, и знакомимся со здешними игрушками. Здешние куклы неинтересные. Наверно, будут их отдавать кому-нибудь, раз уж мы приехали. Только одна с фарфоровым личиком нам понравилась и ещё зайчик, хоть и грязненький, но такой славный! Наверно, из той сказочки, что Мяка нам сочинил «Зайчик-убегайчик», которого на капустном поле поймали и били. Да-да, он. И глазки грустные. Будем его любить и жалеть. Может, доктору покажем. А вот и доктор, куколка-мальчик. Вырастет, доктором будет. Хорошо, если его оставят. Ведь куклы болеть могут.

А что же подарил детям дядя Петя? Посмотрим. Вот уж Лёшины нетерпеливые пальчики развязывают верёвки, да никак не могут. «Дай я», – это старшая сестра Шура. Раз-

вязала. Какой подарок Лёше! Представьте! Пожарный обоз. Вот это самое для мальчика интересное. Он уж знает, как их всех расставить «гуськом».

Это уж надо, дети, вам подробно рассказать, как сто лет назад пожарные гасить пожар ехали, совсем не похоже на теперешние, на машинах. А эти игрушечные точно сделаны, как настоящие, только что маленькие. Вот Лёша расставляет. Впереди «скачок». Это пожарный верхом на лошади с трубой. Гудит, чтобы давали дорогу обозу. Он же первый узнает, где, что горит, как машины расставить, где воду брать. За «скачком» на четвёрке лошадей в повозке пожарные, везут лестницы, шланги и всякие нужные инструменты: багры, ломы, топоры. Рядом с кучером стоит пожарный, который должен звонить в колокол, как теперь гудят машины непрерывно. За ними бочки с водой, а вдруг близко воды нет! И наконец – самое интересное для мальчиков – паровая машина, чтобы воду качать. Блестит котел, и медные трубы начищены. Лошади у пожарных самые быстрые, гривы так и развеваются. Начищенные каски на головах пожарных блестят. Вот каких пожарных получил от дяди Пети Лёша. Он сразу же побежал в ванную за водой: надо же узнать, как работает водокачка! Но няня не позволила: «Вот приедем летом на дачу, там и будешь водой поливать, а здесь нельзя». Правильно.

«Дети, – вдруг раздаётся тёти-Наташин голос, – куда же вы убежали? Надо старших поздравить. Бабушка пришла, дядя

Петя приехал». Как жаль детям с новыми игрушками расставаться! «Надо, надо, ведь ненадолго, придёте, опять играть будете», – торопит няня. А Катя прижимает меня, но молчит. Няня видит, что расстаться не может: «Ну, ладно, иди уж с куколкой новой...»

Поздравление

Ура, не расстаёмся. Мне ведь тоже интересно посмотреть, как дети взрослых поздравлять будут. Неужели тоже что-то подарят, а что? Приходим. Вся семья собралась, нас ждут, с гостями разговаривают. Против ёлки на самом большом кресле сидит пожилая, совсем седая... Боже мой!.. Так ведь это тёти-Наташина мама, бабушка наших детей. Улыбается детям (значит, и мне) доброй улыбкой. К ней и подходим: впереди старшая, Шура, целует бабушку, потом Лёша, потом мы с Катей.

Ласковая её рука и меня погладила: «А! Шурочка! Как хорошо, что нашлась в сундучке! Она тебе нравится?» Это она Катю спрашивает. И не ждёт ответа, а рассказывает даме, что рядом с ней: «Эту французскую куклу Наташа получила, когда ей было четыре года. Теперь играть в неё будут уже её дети. Подумайте, как интересно!» Дама меня хвалит: «Прелестная куколка! А моя не сохранилась, а теперь таких кукол нет...» Катя стесняется, жмётся к маме.

Но вот какая-то тётя говорит: «А дети приготовили бабушке подарки, Шура (это старшая) прочтёт бабушке французское стихотворение. Шура, начинай! – и, обращаясь ко всем в комнате: – Господа, прошу внимания!» И Шура спокойно и достаточно громко читает, немного покраснев от волнения, ни разу не запнувшись, длинное стихотворение.

Все аплодируют. Бабушка благодарит, целует. Теперь очередь Лёши. А ты тоже мне прочтёшь стихотворение? – спрашивает бабушка. «Нет, у меня не стихотворение, а басня». – «А-а, очень хорошо, – Крылова?» – «Нет, дедушки Крылова». Все смеются. Он хмурится. «Ну, начинай», – говорит тётя. А мальчик, вижу, обиделся, что смеются, и потупился, но начинает читать, глядя в пол:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.